

Н.Т. ДШЕРОВИЛЬСКИЙ zak.ru
(НИК ТУЗЕНЦЕВЪ)

ГЕНЕРАЛЪ

ШКУРО

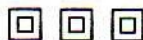
Ростовъ н/д.
Изд. „ДОНСКОЙ ВОЛНЫ“
'1919.'

НИК. ТУЗЕМЦЕВЪ

(Н. Т. Добровольскій).

lan-kazak.ru

ГЕНЕРАЛЪ—ПАРТИЗАНЪ
А. Г. ШКУРО.

Генераль А. Г. ШКУРО.

I.

Андрей Григорьевичъ Шкуро родился 7 января 1887 года. Родители его Григорій Ѳедоровичъ и Анастасія Андреевна принадлежать къ старому казачьему роду Кубанскаго Войска.

Фамилія Шкуро беретъ свое начало чуть ли не съ первыхъ дней основанія Черноморскаго казачьяго Войска, т. е. съ 1793 года, когда теперешніе кубанцы переселялись изъ-за Буга на свою новую родину.

Какъ истые потомки былого славнаго запорожья, почти всѣ мужчины изъ фамиліи Шкуро, посвящали себя исключительно военной карьерѣ.

Отецъ героя, Григорій Ѳедоровичъ нынѣ полковникъ въ отставкѣ, въ годъ рожденія сына, былъ въ чинѣ подбесаула и служилъ въ 1 Екатеринодарскомъ конномъ полку.

Можно себѣ представить ту радость, съ которой было встрѣчено семьей рожденіе сына, если принять во вниманіе то обстоятельство, что родившійся ребенокъ былъ первымъ мальчикомъ послѣ пяти дочерей.

На немъ остановилось все вниманіе цѣлой семьи.

Родители сосредоточили на немъ почти всю свою любовь и заботливость, въ особенности отецъ, видѣвшій въ сынѣ не только наслѣдника своего имени, продолжателя рода, но и хранителя дѣдовскихъ завѣтовъ.

Ребенокъ былъ хилымъ, болѣзненнымъ и внушалъ серьезныя опасенія за свою жизнь.

Почти до трехъ лѣтъ снѣ не ходилъ, плохо росъ и совершенно не подавалъ надеждъ на то, что когда-либо поправится и достигнетъ развитія нормальнаго ребенка его возраста.

Понятно, для матери ея больной ребенокъ, былъ несравненно дороже всѣхъ остальныхъ дѣтей, любимыхъ, но вполне нормальныхъ и совершенно здоровыхъ.

Нѣжный материнскій уходъ, медицинская помощь и неусыпное наблюденіе за здоровьемъ Андриуши, сдѣлали свое дѣло.

На четвертомъ году, въ здоровьѣ ребенка произошелъ переломъ къ лучшему.

Онъ на глазахъ, почти по часамъ сталъ крѣпнуть, развиваться и въ полъ года не только нагналъ, но и обошелъ своихъ сверстниковъ.

Живой, любознательный, умница, непоседа — мальчикъ, казался, старался наверстать три года своей невольной неподвижности.

Казалось, что только вотъ сейчасъ у него открылись глаза и онъ съ жаднымъ любопытствомъ набрасывался на все, что ни встрѣчалось его удивленному взгляду. Все его интересовало, все ему хотѣлось знать.

Подчасъ Андриуша задавалъ отцу или матери такіе вопросы, которые были подстать ребенку гораздо болѣе зрѣлаго возраста.

Но что болѣе всего любилъ мальчикъ, такъ это оружіе, лошадей и вообще все то, что можно подвести подъ понятіе „военная служба“.

На четвертомъ году отъ рожденія мальчикъ уже довольно прилично, ѣздитъ верхомъ, вѣчно пропадаетъ въ сотнѣ отца и въ большой дружбѣ со всѣми казаками сотни, которые души не чаютъ въ бойкомъ, смышленномъ и живомъ ребенкѣ.

Когда же отецъ подарилъ сыну полный казачій костюмъ съ поясомъ и съ настоящимъ, хотя и маленькимъ кинжаломъ, то восторгамъ ребенка нѣтъ границъ.

Не смотря на то, что ему еще едва четыре года, что ему нужна нянька, онъ и слышать не хочетъ о „бабахъ“ и считаетъ себя казакомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Съ момента полученія кинжала, ребенокъ начинаетъ проявлять уже горячность нрава и относится съ большой щепетильностью къ вопросамъ о допустимомъ по отношенію къ себѣ и не допустимомъ.

Во время одной изъ ссоръ съ мальчикомъ на много старше себя, воинственный Андриуша наноситъ своему врагу довольно серьезную рану своимъ дѣтскимъ кинжаломъ.

Въ результатѣ, конечно строгое наказаніе, а затѣмъ, кинжалъ забирается такъ, что бы его нельзя было обнажить, но ребенокъ огорченъ не столько наказаніемъ сколько запайкой кинжала.

Подошло время ученія. Мальчикъ учится, хотя и не такъ охотно, какъ ѣздитъ верхомъ, но воспринимаетъ все быстро и крѣпко — и то только при условіи, что отецъ отдастъ его въ кадетскій корпусъ.

Въ свободное отъ учебныхъ занятій время, съ упоеніемъ слушаетъ рассказы казаковъ о разныхъ походахъ, казачьи легенды, преданія, читаетъ исторію войнъ, запорожской сѣчи и т. д.

II.

Подошло время отправки въ корпусъ.

Отецъ самъ отвезъ мальчика въ 3-й Московскій кадетскій,

корпусъ, въ который тотъ въхалъ съ большимъ удовольствіемъ, разставаясь съ матерью и сестрами довольно легко.

Въ первый же день по прибытіи въ Москву, будущій кадетъ познакомился со своимъ землякомъ, привезеннымъ тоже въ корпусъ и вмѣстѣ съ нимъ поколотилъ, какого-то господина, назвавшаго молодыхъ казачать, вѣроятно въ видѣ ласки, „куркулятами“. Скандаль былъ замять, подоспѣвшими отцами „военныхъ“ сыновей.

Отличаясь необычайной лѣтностью гдѣ дѣло касалось зубрежки, кадетъ Шкуро, обладая въ то же время очень большой памятью и способностями, тѣмъ не менѣе оканчиваетъ корпусъ весьма успѣшно.

Въ 1907 г. прекрасно оканчиваетъ Николаевское Кавалерійское училище въ Петербургѣ, но и здѣсь, какъ и въ корпусѣ за нимъ установилась репутація неугомоннаго коновода во всѣхъ шалостяхъ и предпріятіяхъ, явно враждебныхъ по отношенію къ хорошему тону, благопристойности и тому, что вообще принято понимать подъ хорошимъ поведеніемъ прилежнаго ученика.

По окончаніи военнаго училища Андрей Григорьевичъ вышелъ хорунжимъ въ Уманскій полкъ, стоявшій въ то время въ Карсѣ.

Первое время ему было рѣшительно все равно гдѣ ни служить, только бы скорѣе стать на свои собственные ноги и отдохнуть отъ муштры и постоянного надзора въ училищѣ.

По прибытіи въ полкъ, Андрей Григорьевичъ окунается во всю въ полковую жизнь.

Ученія, спортъ, охота, кутежи и товарищескія попойки, все это захватываетъ цѣликомъ порывистую натуру юнаго офицера, которому не приходится уже тянуться впередъ каждымъ хорунжимъ или сотникомъ, не говоря о болѣе высокихъ чинахъ.

Теперь онъ самъ офицеръ; теперь впередъ нимъ тянутся.

А. Г. Шкуро (кадетъ).

Однако, жизнь въ захолустьи, однообразная до отупѣнія, среди одной и той-же обстановки, скоро ему опротивѣла и онъ, при помощи отца, сталъ хлопотать о переводѣ его въ 1 Екатеринодарскій полкъ, стоявшій тогда въ ст. Усть-Лабинской.

Переводъ состоялся, но послѣ долгихъ и усиленныхъ хлопотъ и Андрей Григорьевичъ явился въ новый полкъ уже въ чинѣ сотника.

Здѣсь, опять началась та же гарнизонная служба, мало удовлетворявшая кипучую натуру молодого сотника, искавшаго широкаго простора, возможности проявить собственную инициативу, а не дѣйствовать въ рамкахъ обыденнаго, дозволеннаго или не дозволеннаго уставомъ.

Трафаретъ и будничность давятъ горячую натуру Андрея Григорьевича.

Здѣсь, въ станицѣ Усть-Лабинской, съ нимъ произошелъ случай, нашумѣвшій на Кубани въ свое время, который до нѣкоторой степени характеризуетъ тогдашнее его настроеніе и кладетъ лишній штрихъ въ его характеристику.

Будучи добрымъ и сердечнымъ товарищемъ, незамѣнимымъ собутыльникомъ и обожаемымъ рядовыми казаками начальникомъ, Андрей Григорьевичъ въ то же время—желанный кавалеръ и ненавистный соперникъ для всѣхъ штатскихъ молодыхъ людей въ станицѣ.

На одномъ изъ станичныхъ баловъ, въ то время, когда Андрей Григорьевичъ послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса подвелъ свою даму къ ея стулу, стулъ этотъ взялъ одинъ изъ станичныхъ львовъ въ штатскомъ, разбогатѣвшій грекъ.

— Спросили-ли вы у меня разрѣшенія взять стулъ?

Спокойнымъ голосомъ задалъ вопросъ Андрей Григорьевичъ.

— Я у казаковъ разрѣшенія не спрашиваю—былъ отвѣтъ. Сверкнулъ, выхваченный изъ ноженъ кинжалъ и дерзкій грекъ свалился на полъ, получивши глубокую рану въ руку.

Исторія эта особенной огласки не приобрѣла, однако нѣкоторыя неприятности повлекла за собою.

Начальство любить лихого, отчетливаго офицера, но тѣмъ не менѣе опасается за судьбу этого безпокойнаго, вслыльчиваго и своенравнаго человѣка.

Женитьба не мѣняетъ пылкой, мятежный нравъ Андрея Григорьевича.

Наконецъ, будучи не въ силахъ выносить долѣе однообразную, нудную жизнь гарнизоннаго офицера, Андрей Григорьевичъ беретъ отпускъ, ѣдетъ въ Петербургъ и начинаетъ хлопо-

тать о переводѣ его на службу въ Читу (Сибирь) для охраны золотыхъ приисковъ.

Его туда влечетъ новизна впечатлѣній, возможность риска и возможная самостоятельность въ проявленіи собственной инициативы.

Переводъ состоялся безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ закапываться въ такую даль и глушь, мало охотниковъ изъ среды молодыхъ и энергичныхъ офицеровъ.

Однако не долго пришлось Андрею Григорьевичу служить тамъ.

III.

Разыгралась Великая Европейская война и при первыхъ слухахъ о ней, Андрей Григорьевичъ хлопочетъ объ отправкѣ его на фронтъ и уѣзжаетъ туда въ составѣ Хонерскаго полка.

Первые мѣсяцы войны, Андрей Григорьевичъ состоитъ въ полку въ качествѣ офицера пулеметчика, но затѣмъ въ погонѣ все за той-же самостоятельностью и рискомъ, принимаетъ команду развѣдчиковъ.

Безумная смѣлость, презрѣніе къ опасности и любовь къ риску сдѣлали свое дѣло.

Онъ лучшій развѣдчикъ не только въ дивизіи, но и въ корпусѣ.

Его развѣдка, отличаясь изумительною точностью, по своей глубинѣ въ сторону противника, даже превышаетъ требованія, которыя могли бы быть предъявляемы къ полковой развѣдкѣ.

На его неукротимую энергію и безстрашіе накладываютъ узду; ему приказываютъ дѣйствовать по указкѣ „отсюда и до сюда“.

Затосковалъ Андрей Григорьевичъ.

Нѣтъ ему простора, опять его заключаютъ въ рамки.

И, вдругъ, въ горячей головѣ безпокойнаго сотника, зарождается идея созданія партизанскаго отряда.

Такого отряда, который, обладая достаточной силой, въ то же время былъ бы легокъ въ передвиженіи и могъ бы, прорвавшись сквозь фронтъ противника, нанести ему побольше неприятностей въ тылу.

Полковой командиръ полковникъ Труфановъ очень живо откликнулся на замыселъ сотника Шкуро, поддержалъ его передъ командиромъ корпуса генераломъ Ирманомъ и Андрей Григорьевичъ, снабженный письмами и бумагами, отправился съ докладомъ къ тогдашнему походному Атаману казачьихъ войскъ Великому Князю Борису Владимировичу.

Судьба благоприятствовала Андрею Григорьевичу. Начальником Штаба Походного Атамана был тогда генерального штаба полковник Африканъ Петровичъ Богаевскій.

Онъ очень горячо сталъ поддерживать идею партизанскихъ отрядовъ.

Въ результатъ походный Атаманъ согласился на организацію ихъ, и съ подробнымъ докладомъ отъ своего имени, отправилъ молодого организатора къ Верховному Главнокомандующему, бывшему Государю.

Государь утвердилъ проектъ партизанскихъ отрядовъ и, горячо пожимая руку молодому организатору сказалъ:

— Съ Богомъ, въ добрый часъ.

Мечта стала дѣйствительностью.

Точно крылья выросли у Андрея Григорьевича и, сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе взяться за дѣло, полетѣлъ онъ обратно на фронтъ, въ свой корпусъ.

Здѣсь, съ полной вѣрой въ успѣхъ своего дѣла и въ широкую поддержку своего командира корпуса, вѣдилъ Андрей Григорьевичъ по полкамъ съ предложеніемъ ассигновать на отрядъ 10.000 рублей, и вызовомъ охотниковъ выбиралъ себѣ людей.

Черезъ нѣкоторое время деньги были собраны и вокругъ организатора собрался отрядъ въ 600 человекъ.

Въ составъ отряда вошли лучшіе люди полковъ и при этомъ не только казаки, но и солдаты.

Все это были, испытанные въ бояхъ воины, съ такими же горячими головами, какъ и ихъ организаторъ и начальникъ-сотникъ Шкуро.

Черезъ какихъ нибудь два мѣсяца отрядъ былъ готовъ. Прекрасно организованный и снабженный всѣмъ необходимымъ, онъ уже въ 15-мъ году заставилъ говорить о себѣ.

IV.

Тихая зимняя ночь.

То здѣсь, то тамъ раздается сухой винтовочный выстрѣлъ.

Изрѣдка, точно молнія всполошитъ темный, дремлющій горизонтъ и тишину ночи прорѣжетъ недовольный рокотъ проснувшейся пушки.

И опять тихо.

На сторожевой нѣмецкой заставѣ, убаюканные тишиной ночи, спокойно дремлютъ солдаты, положившись на бдительность своихъ часовыхъ.

Но таинственна и загадочна ночь.

Тамъ, съ русской стороны, неслышно скользя, змѣится темная лента.

Вотъ она остановилась и замерла, точно окаменѣла.

Отъ нея отдѣлилось нѣсколько беззвучныхъ тѣней, которыя, накинувъ на себя что-то бѣлое, сразу же потонули, припавши къ бѣло-снѣжному покрову земли.

Это партизанскій Отрядъ Шкуро, послалъ впередъ свои смертоносные глаза и уши.

Проходить томительный часъ.

Вдругъ, со стороны нѣмцевъ раздается короткій, заунывный волчій вой.

Отрядъ вздрогнулъ, заволновался и короткой рысью понесся на встрѣчу вою.

Тамъ уже все кончено. Устремивши удивленные глаза въ невѣдомую темноту неба и раскинувши руки, лежить нѣмецкій часовой, сраженный смертоноснымъ жаломъ, неожиданной, таинственной смерти.

А дальше, среди труповъ заставы, спокойно вытирая о полы чужихъ шинелей кинжалы, стоять и тихо дѣлятся впечатлѣніями виновники этого зовущаго условнаго воя.

— Онъ было хотѣлъ въ меня стрѣльнуть, а я его какъ полосану по горлу, такъ изъ него и паръ вонъ.

— Мой-то и про ружье забылъ такъ перепужался.

— Ловко обдѣлали. И языка достали.

Командиръ спасибо скажетъ.

Подходить отрядъ и послѣ недолгаго, но рѣшительнаго разговора черезъ переводчика съ „языкомъ“ и нѣсколькихъ отмытокъ на картѣ, движется дальше въ тылъ противнику, ловко лавируя среди то тутъ, то тамъ разбросанныхъ его боевыхъ частей.

Огненнымъ, неуловимымъ вихремъ носится Шкуро со своимъ отрядомъ во вражемъ тылу, сѣя за собою взрывы мостовъ и артиллерійскихъ складовъ, порчу дорогъ, разгромы обозовъ, штабовъ и небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ.

За русскими чертями съ изображеніемъ оскаленной волчьей головы на знамени, посылаются крупные отряды съ пушками, но партизаны, вдоволь натѣшившись, благополучно ускальзываютъ отъ погони и темной ночью прорываются къ своимъ.

Много такихъ дерзкихъ налетовъ совершилъ Шкуро со своими лихими партизанами.

Нѣмецкое командованіе взбѣшено и, видя, что не взять въ

честномъ бою лихого партизана, прибѣгнуло къ своему излюбленному способу—къ подкупу.

Буйная голова Шкуро оцѣнивается въ 60.000 рублей.

Все равно живая или мертвая.

— А и дорога же моя голова нѣмцамъ. Дороже даже чѣмъ мнѣ самому.

Шутить Андрей Григорьевичъ, узнавши о такомъ нѣмецкомъ приказѣ. И въ отвѣтъ на этотъ приказъ, онъ совершилъ еще болѣе дерзкій набѣгъ на вражій тылъ.

Забравшись на 30 верстъ въ глубину противника и надѣлавши ему массу неприятностей и урона своей почти недѣльной прогулкой, онъ опять безъ вреда для себя вернулся къ своимъ и привезъ съ собой настоящего живого нѣмецкаго генерала командира дивизіи, штабъ которой попался на пути его стихійнаго лета.

А. А. Шкуро. (Мать генерала въ молодости).

Къ концу 15-го года, война приобрѣла характеръ позиціонный и работа партизанъ значительно осложнилась.

Въ началѣ лѣта 1916 года на Юго-Западномъ фронтѣ намѣчались прорывы фронта противника и такъ какъ тамъ могла быть полезной работа партизанъ, то ко времени этихъ прорывовъ, партизаны Шкуро были переброшены сюда, въ конный корпусъ графа Келлера.

Не смотря на то, что условія мѣстности сильно измѣнились, и казалось-бы могли повліять на легкость передвиженія партизанъ (корпусъ Келлера работалъ въ гористой мѣстности), отрядъ Шкуро быстро приспособился къ новой обстановкѣ.

Къ Отряду Шкуро придали еще два сьорганизованных тамъ партизанскихъ отряда и его набѣги приобрѣли еще большую дерзость.

Во время лѣтнихъ боевъ 16 года, Андрей Григорьевичъ, произвелъ единственный въ своемъ родѣ набѣгъ на тылъ противника въ Венгрію.

Здѣсь, онъ забравшись на 67 верстъ въ тылъ австрійцевъ не только причинилъ непріятелю неисчислимые убытки въ видѣ всякихъ порчъ и взрывовъ, но и навелъ панику на врага, а черезъ 10 дней вернулся обратно, почти безъ потерь, съ богатѣйшей добычей и кромѣ того пригналъ съ собою до 6000 плѣнныхъ австрійцевъ.

Такъ работалъ этотъ неустрашимый человекъ, внося дерзкой рукой одну строку славы другой въ военную исторію своей Родины.

Что ни шагъ, то легенда, что ни набѣгъ, то сказка, передаваемая изъ устъ въ уста восторженными казаками и солдатами.

Награды въ видѣ чиновъ и орденовъ сыпятся на любимца удачи, какъ изъ рога изобилія, но онъ ставитъ само дѣло выше всякихъ наградъ и работаетъ не изъ-за награды, а исключительно во имя запросовъ и требованій своей пламенной натуры.

У.

Минуло лѣто 1916-го года, пришла весна 17-го года, принесшаго съ собою революцію и развалъ, сильнѣйшей въ мірѣ арміи и слава русскаго оружія стала меркнуть и покрываться позоромъ.

Андрей Григорьевичъ задумалъ спасти свое дѣтище, свой отрядъ, не знавшій безславія и съ этой цѣлью сталъ хлопотать о переводѣ его въ Персею, въ корпусъ генерала Баратова.

Хлопоты были успѣшны.

Походный Атаманъ охотно прислалъ приказъ со своимъ разрѣшеніемъ и партизаны гдѣ походнымъ порядкомъ, а гдѣ по желѣзной дорогѣ стали пробираться на Кавказъ.

Въ Кишиневѣ у нихъ было первое столкновеніе съ деморализованными войсками.

Здѣсь, „товарищи“ звали партизанъ перейти на свою сторону и вооружиться противъ „буржуевъ“, офицеровъ и сторонниковъ продолженія войны съ нѣмцами.

Часть партизанъ, состоявшая изъ солдатъ, оставила отрядъ, но тѣмъ тѣснѣе сомкнули свои ряды вокругъ любимаго начальника остальные партизаны—казаки.

Гордо вьется надъ ними ихъ боевое знамя съ оскаленной волчьей головой.

Глаза волка налились кровью, а изъ открытой пасти грозно сверкають страшные, бѣлые клыки.

Красные солдаты угрожаютъ „разнести въ прахъ“ партизанъ, но казаки въ полной готовности къ бою съ кѣмъ-бы то ни было, спокойно отвѣчаютъ;

— Не возьмешь. А если кто хочетъ—попробуй.

Не хватило храбрости у красныхъ солдатъ „разнести“ „волковъ“ и они дальше уже безпрепятственно поѣхали на Кавказъ, а затѣмъ и въ Персію.

Въ Ноябрьрѣ 17-го года отрядъ прибылъ въ г. Энзели (Персія). Но здѣсь, какъ и всюду поработали большевистскіе агенты и войсковыя части были окончательно разложены, а солдаты уже достаточно покраснѣли, облитые кровью своихъ офицеровъ.

Когда вожаки красныхъ солдатъ увидѣли, правда, сравнительно не большой, но тѣмъ не менѣе сильный духомъ и дисциплиной отрядъ Андрея Григорьевича, то рѣшили во что бы то ни стало разложить его, а для этого имъ надо было уничтожить, убить душу этого отряда, его начальника.

Какъ трусливые шакалы, боящіеся попасться на глаза царственному льву, напали жалкіе убійцы на героя неожиданно, сзади, и въ трусости своей не смогли даже убить, а только ранили Андрея Григорьевича.

Рана оказалась не опасной, но все таки она лишила на нѣкоторое время возможности постоянного общенія отряда съ его вдохновителемъ.

Отрядъ, предоставленный самому себѣ, развалился и большая часть его уѣхала домой на Кубань, но тѣ немногіе, въ чьихъ сердцахъ ярко горѣло пламя любви къ своему начальнику и вѣра въ него, остались.

Облакомъ грусти покрылось лицо Андрея Григорьевича, когда онъ оправившись отъ раны, пришелъ къ своимъ „волчатамъ“ и увидѣлъ ихъ сильно порѣдѣвшіе ряды.

Собралъ онъ ихъ и оставивши Энзели отправился въ Хамаданъ (Персія), гдѣ въ это время находился Штабъ корпуса генерала Баратова

Въ Хамаданѣ Андрей Григорьевичъ попробовалъ было пополнить ряды своего отряда, но дезорганизованные, распоясанные солдаты корпуса Баратова заволновались; забѣгали разные комиссары и въ результатѣ, Андрей Григорьевичъ, возвра-

щавшейся послѣ парада и смотра своему отряду, былъ „товарищами“ арестованъ.

Съ большимъ трудомъ удалось ему освободиться отъ ареста.

Попробовалъ было онъ остаться на службѣ у англичанъ для несенія службы по охранѣ банковъ, но „товарищи“, опасавшіеся открыть военныя дѣйствія по отношенію ко всему отряду, стали нападать неожиданно на отдѣльныхъ чиновъ отряда и обезоруживать ихъ.

VI.

Положеніе осложнялось.

Видно было, что армія окончательно погибла и что ни о какомъ выздоровленіи ея не можетъ быть и рѣчи.

Во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, генераль Баратовъ отдалъ приказъ о расформированіи партизанскаго отряда и отправкѣ его на родину, на Кубань.

И безъ того незначительный по численности отрядъ сталъ таять.

Скоро въ немъ осталось всего только 80 человѣкъ.

Собрались они около Андрея Григорьевича и твердо заявили, что никуда не уйдутъ отъ него.

— вмѣстѣ пойдемъ на родную Кубань и только съ оружіемъ въ рукахъ.—Заявили казаки.

И пошли. Горсть храбрыхъ безумцевъ, среди моря враждебныхъ, кровожадныхъ толпъ.

Гдѣ съ боемъ, гдѣ подъ угрозою боя, или обходнымъ путемъ, но добрался Андрей Григорьевичъ до Минеральныхъ Водъ.

Идти такимъ-же путемъ дальше на Кубань, было бы безуміемъ.

Тутъ ужъ не могло быть надежды хотя-бы на призрачный успѣхъ.

Горсть героевъ была измотана и измучена, и красные смогли бы раздавить ихъ своей численностью.

Послѣ короткаго совѣщанія и обѣщанія другъ другу еще собраться и послужить Родинѣ, отрядъ трогательно распростившись со своимъ начальникомъ, расплылся, а самъ Андрей Григорьевичъ, заgrimировавшись уѣхалъ въ Кисловодскъ и тамъ поселился тщательно скрывая свое настоящее имя и прошлую дѣятельность.

Это случилось въ концѣ февраля 1917 года.

Въ это время уже вся Россія находилась во власти совѣтовъ и только по стѣнямъ Дона и Кубани горсточка героевъ

твердо хранили въ своихъ сердцахъ идею Великой Россіи и вынашивали ее среди моря красной анархіи, среди ужасовъ крови и лишеній.

Подобно гранитнымъ островкамъ, среди безумно-бѣшеннаго моря, отражали они грудью своей мощные удары свирѣпыхъ волнъ.

Жила идея, и вѣра въ святость ея поддерживала героевъ и заставляла ихъ творить чудеса.

Стотысячныя арміи разбивались о гранитныя груди героевъ и великая идея Единой Россіи, торжествовала, росла и ширилась.

Между тѣмъ, „блага“ совѣтской власти пришлось не по вкусу очень многимъ казакамъ на Кубани и тѣ, кто предпочиталъ смерть безславію, насилію и позору, стали уходить въ горы, лѣса и вообще въ такія мѣста, куда совѣтская власть не достигала.

Такихъ было много, но среди нихъ не замѣчалось организованности и умѣлаго руководства.

Собрался отрядъ казаковъ ст. Баталпашинской въ 60 человекъ и ушелъ въ верховья р. Джегонаса къ Бѣлымъ Ключамъ, но въ виду своей малочисленности, рѣшилъ пока не предпринимать никакихъ активныхъ дѣйствій и находился тамъ, широко поддерживаемый Абазинцами Кумско-Ловскаго аула и казаками ст. Бекешевской.

VII.

Въ концѣ марта пришли на Кубань остатки отряда Шкуро и принесли казакамъ вѣсть о томъ, что лихой партизанъ полковникъ Шкуро находится въ Кисловодскѣ.

Съ этого времени среди казаковъ начались разговоры о томъ, что если бы съ ними былъ Шкуро, то они смогли бы сьорганизоваться и поднять противъ красныхъ возстаніе.

Черезъ нѣкоторое время Баталпашинцы стали искать и наладили связь съ Андреемъ Григорьевичемъ при посредствѣ казаковъ, скрывавшихся въ Бѣлыхъ Ключахъ и Бургустанскихъ лѣсахъ.

Большевистскіе шпіоны въ Кисловодскѣ были встревожены, что къ находящемуся у нихъ (подъ негласнымъ надзоромъ неизвѣстному „буржую“, начинаютъ приходиться зачѣмъ-то казаки по одному, по два и небольшими группами.

Комиссары заинтересовались особой Шкуро и скоро имъ удалось установить личность полковника, а вслѣдъ за этимъ онъ былъ арестованъ и посаженъ подъ арестъ при совдепѣ.

Заключеніе, однако, не въ состояніи было прервать связь

Андрея Григорьевича съ внѣшнимъ миромъ и дѣйствуя подкупомъ онъ всетаки сносился съ казаками и со своими единомышленниками въ городѣ.

Комиссары узнали объ этомъ и перевезли Андрея Григорьевича во Владикавказскую тюрьму.

Здѣсь Андрей Григорьевичъ сталъ надѣяться только на свое неизмѣнное счастье. И оно не замедлило вспомнить о своемъ баловнѣ.

Въ концѣ мая Владикавказскую тюрьму посѣтилъ Командующій 6-й Совѣтской арміей Бѣлянкевичъ.

„Главковерхъ“ былъ сильно нетрезвъ и увидя въ спискѣ арестованныхъ имя Шкуро, заинтересовался имъ и пожелалъ его видѣть.

— Товарищъ, вы и есть матросъ Шкуро?

— Какъ-же, я и есть тотъ самый Шкуро, что сражался съ кадетами подъ Батайскомъ.

— Такъ почему-же вы здѣсь?

— По какому то недоразумѣнію, товарищъ.

Послѣ этого діалога, Бѣлянкевичъ взялъ Андрея Григорьевича почти въ обнимку, вывелъ его изъ тюрьмы и увезъ въ своемъ автомобилѣ.

Мнимому матросу только этого и надо было.

Въ ту же ночь оставилъ онъ „гостепреимный“ Владикавказъ и сталъ пробираться на Кубань.

Только человѣкъ очень большой воли и самообладанія въ состояніи былъ пройти этотъ путь и не попасться въ руки совѣтскихъ сыщиковъ, которые уже на другой день по выходѣ Шкуро изъ тюрьмы, были подняты на ноги.

Около 10 іюня среди Баталпашинцевъ ~~разнесся слухъ о~~ появленіе полковника Шкуро въ Баталпашинскомъ Отдѣлѣ.

VIII.

Первый отрядъ во главѣ котораго ~~безстрашный полковникъ~~ партизанъ сталъ совершать налеты на красныхъ и наводить на нихъ панику, состоялъ вначалѣ изъ шести, а затѣмъ увеличился до 40 человѣкъ.

И вотъ, съ этимъ отрядомъ Андрей Григорьевичъ совершилъ рядъ набѣговъ на станицы Суворовскую, Бекешевскую и Воровсколѣбскую.

Красные комиссары всполошились и, когда вслѣдъ за набѣгами партизанъ поднялось возстаніе въ станицахъ Чамлыцкой, Упорной, Безстрашной, Спокойной и Удобной, отдали приказъ

по станциямъ о сдачѣ всѣми станицами Баталпашинскаго Отдѣла всякаго оружія и боевыхъ припасовъ подѣ страхомъ смерти.

Бывшій атаманъ, а затѣмъ комиссаръ станицы Суворовской Шамайскій черезъ вѣрныхъ людей далъ знать полковнику Шкуро, что у него въ станичномъ правленіи находятся, приготовленныя для сдачи 800 винтовокъ и 15000 патроновъ.

Опасаясь какого нибудь подвоха, или предательства со стороны комиссара Шамайскаго, котораго онъ мало зналъ, полковникъ не рѣшился напасть сразу на станицу, а просилъ Шамайскаго, какъ можно дольше оттягивать день отправки оружія. Но затѣмъ, на разсвѣтъ 12 іюня, когда еще вся станица спала, внезапно ворвался въ нее, занялъ станичное правленіе, арестовавши предварительно всю мѣстную администрацію, и созвалъ станичный сборъ.

Здѣсь на сборѣ Андрей Григорьевичъ велъ себя такъ, какъ будто у него было не 40 человекъ, а по крайне мѣрѣ дивизія.

То и дѣло прибывали къ нему небольшіе конные разѣзды въ 5—6 коней, опять уѣзжали, что бы черезъ полъ часа явиться обратно съ другой стороны станицы.

— Артиллерию и пулеметы разставили по позиціямъ?

— Заставы и боевые разѣзды выслали во всѣ стороны?

Важно задавалъ вопросы полковникъ время отъ времени подъѣзжавшимъ къ нему офицерамъ.—Такъ точно, господинъ полковникъ, все готово.

Сборъ, наблюдая всю эту комедию былъ вполне убѣжденъ, что у Шкуро отрядъ тысячъ въ пять человекъ.

Затѣмъ Андрей Григорьевичъ, убѣдившись въ искренности комиссара Шамайскаго и, желая обезопасить его отъ мести красныхъ, которые непременно придуть въ станицу вслѣдъ за уходомъ изъ нея отряда, нарядилъ надъ Шамайскимъ судъ, которымъ Шамайскій былъ приговоренъ къ смертной казни. Тогда старики со слезами на глазахъ стали просить Андрея Григорьевича помиловать Шамайскаго и другихъ комиссаровъ, т. к. всѣ они изъ казаковъ и никому ни какого зла не сдѣляли.

— Ну ладно, старики, будь по вашему.

— А у тебя комиссаръ черкеска и оружіе есть? Ну, такъ маршь переодѣваться. Я назначаю тебя атаманомъ.

Вслѣдъ за этимъ въ станицѣ была объявлена мобилизація казаковъ 4-хъ призывовъ.

Часамъ къ 3-мъ дня все было готово, но Андрей Григорьевичъ, не желая выдавать казакамъ свой секретъ, что-бы вмѣстѣ съ тѣмъ не вызвать упадка духа у вновь мобилизованныхъ, если бы они узнали дѣйствительныя силы его отряда, всячески

оттягивалъ свое выступленіе изъ станицы, дожидаясь ночи; съ темнотою онъ выступилъ, уведя съ собою 500 всадниковъ и увезя 800 винтовокъ съ 15000 патроновъ.

Съ этой ночи отрядъ сталъ постепенно расти и выступать активно противъ совѣтскихъ войскъ.

Днемъ онъ обычно маневрировалъ, что бы скрыть свою дѣйствительную численность, а по ночамъ совершалъ неожиданныя и стремительныя нападенія.

Подъ станицей Баталпашинской Андрей Григорьевичъ далъ краснымъ два боя; при чемъ во второмъ бою противъ него дѣйствовала армія численностью до 7000 человекъ, но оба раза красные потерѣли поражение.

Слава о полковникѣ Шкуро росла, росло обаяніе его имени, увеличивался отрядъ, но суживался районъ дѣйствій и ощущался недостатокъ въ оружій, пушкахъ и патронахъ.

Когда отрядъ подошелъ къ ст. Бургустанской, что въ 18 верстахъ отъ Кисловодска, то къ полковнику Шкуро прибыла делегація отъ большевиковъ во главѣ съ нѣкимъ товарищемъ Радзевичемъ и стала уговаривать Андрея Григорьевича сдаться.

— А знаете, товарищъ Радзевичъ, я когда поймаю васъ, то пожалуй не повѣшу, все таки вы болѣе или менѣе приличный человекъ.

— Сдайтесь, полковникъ. Вѣдь у васъ нѣтъ ни оружія, ни пушекъ.

— Такъ вѣдь у васъ же есть, значить и у меня все будетъ.—Съ улыбкой отвѣтилъ полковникъ.

Такъ делегація ни съ чѣмъ и уѣхала.

Черезъ нѣсколько дней у отряда появилась отбитая имъ у красноармейцевъ пушка, а еще черезъ нѣсколько дней Андрей Григорьевичъ совершилъ до безумія дерзкій набѣгъ съ частью своего отряда и на самый Кисловодскъ.

Набѣгъ былъ ночной и совершенно неожиданный для комиссаровъ, полагавшихъ, что во первыхъ, отрядъ Шкуро далеко отъ Кисловодска, а во вторыхъ, что у него не хватитъ дерзости на столь серьезное предпріятіе.

Можно себѣ представить панику комиссаровъ и красныхъ войскъ, когда вдругъ, среди ночи, на улицахъ города поднялась стрѣльба, вой и крики ура.

Паника усиливалась еще и тѣмъ, что никому не было извѣстно кто и съ какими силами напалъ.

Воспользовавшись суматохой и всеобщей растерянностью, Андрей Григорьевичъ не только нанесъ большой уронъ краснымъ,

но захватилъ массу оружія, снаряженія, денегъ и кромѣ того, вывезъ изъ города нѣсколько семействъ, жизни которыхъ грозила опасность.

Пока главковерхи опомнились, отрядъ уже былъ далеко.

IX.

Имя партизана—полковника стало легендарнымъ.

Его одновременно видятъ въ разныхъ мѣстахъ, а о подвигахъ рассказываютъ чудеса.

— Его и пуля не беретъ,—рассказываютъ казаки и казачки.

— А ужъ до чего простой. Ни въ какую хату не погнушается зайти и посидѣть, похлебать варева изъ общей миски, поговорить о нашихъ казачьихъ дѣлахъ. Одно слово, нашъ, казачій герой.

— Пришелъ это онъ ко мнѣ въ хату,—фантазируетъ одна казачка,—разстегнулъ черкеску, а пули такъ изъ подъ нее дождемъ и посыпались. А онъ тебѣ хоть-бы что, хохочетъ.

— Нѣтъ, что ни говори, а онъ слово такое знаетъ, потому его и пуля не беретъ.

Не смотря на всю жестокость гражданской войны и вполне понятную ненависть со стороны красныхъ по отношенію къ партизанамъ и ихъ лихому начальнику и вдохновителю, онъ сумѣлъ добиться популярности и нѣкоторой степени уваженія къ себѣ даже со стороны красныхъ.

Рѣшительный, суровый и даже жестокій въ бояхъ, онъ мягокъ и милостивъ по отношенію къ плѣннымъ, или безоружнымъ и раненымъ и въ особенности къ простымъ, темнымъ бойцамъ красныхъ.

Сотню за сотней посылаютъ возстающія станицы въ отрядъ легендарнаго героя, видя въ немъ не царскаго золотопогонника, а своего брата казака, защитника родной Кубани и казачества.

Силы отряда растутъ изо дня въ день, но не дремлютъ и красные комиссары.

Собираютъ они огромные отряды съ конницей и пушками и плотнымъ желѣзнымъ кольцомъ начинаютъ окружать районъ дѣйствій отряда ненавистнаго имъ Шкуро.

Яркій, знойный полдень 24 іюня.

Тихая, скромная станица Воровсколѣсская жужжить точно встревоженный улей.

По пыльнымъ улицамъ несутся конные, небольшими группами проходятъ пѣшіе казаки, а подъ станицей, сейчасъ-же за околицей стоитъ огромный бивакъ отряда Шкуро.

Издали кажется будто станица вдругъ, за одну ночь разрослась втрое.

Уныло жуютъ сѣно, измученные кони, спать въ повалку усталые люди, а кое-гдѣ идетъ спѣшная отливка пуль и набивка винтовочныхъ патроновъ.

Великъ отрядъ, около 7000 человекъ въ немъ, но вооруженныхъ хоть кое-какъ всего лишь тысячи 3—4.

Отецъ героя въ молодости, Г. Ѳ. Шкуро.

Около полудня вдругъ, гдѣ то въ дали ухнула пушка одна, другая, третья, и цѣлый рядъ снарядовъ разорвался въ станицѣ.

Отрядъ мигомъ собрался и выстроился въ боевой порядокъ.

Между тѣмъ, разъѣзды доносятъ, что Воровсколѣсска обложена красными, а въ станицахъ Невинномысской и Курсавкѣ сосредоточены большія силы ихъ съ броневиками и многочисленной артиллеріей.

Положеніе для отряда создалось небывало трудное.

— Смѣлымъ Богъ владѣеть—беззаботно—веселымъ тономъ произнесъ Андрей Григорьевичъ и сталъ производить съ частями отряда, какіе-то замысловатые маневры, которые, по его мнѣнію, должны были сбить красныхъ съ толку.

Наблюдая маневры, красные были убѣждены, что Шкуро либо выискиваетъ у нихъ слабое мѣсто для удара, либо намѣренъ уйти на югъ, въ горы не зная, что и тамъ противъ него выставленъ очень сильный заслонъ.

Съ наступленіемъ ночи, отрядъ вдругъ, круто измѣнилъ направленіе и пошелъ на сѣверъ, т. е. туда гдѣ его теперь наименѣе ожидали и именно на с. Козинское, что въ 20 верстахъ къ Ю-В. отъ Невинномысской.

Во время перехода отряда черезъ полотно желѣзной дороги, со стороны Невинномысской показался летящій на всѣхъ парахъ поѣздъ. Несмотря на то, что верстахъ въ трехъ отъ мѣста переправы отряда былъ разобранъ путь, все таки появленіе поѣзда внесло нѣкоторое замѣшательство особенно въ ряды тѣхъ частей отряда, которыя были вооружены деревянными пиками „для психологіи“.

Судьба баловала своего любимца.

Подошедшій къ мѣсту порчи пути и потерпѣвшій крушеніе поѣздъ, оказался просто товарнымъ поѣздомъ, нагруженнымъ всякимъ добромъ въ видѣ пищевыхъ продуктовъ, сахара, сластей и предметовъ обмундированія и снаряженія; нечего и говорить о томъ, что отрядъ сильно пополнилъ свои запасы.

Съ этой ночи начался походъ отряда черезъ Ставропольскую губернію на соединеніе съ добровольческой арміей.

Для того, что-бы придать отряду еще большую внушительность, полковникъ Шкуро приказалъ изготовить около десятка фальшивыхъ пушекъ при помощи повозочныхъ ходовъ и подходящей толщины бревенъ.

Эти пушки возились настоящей артиллерійской упряжкой и конечно, производили на всѣхъ самое дѣйствительное впечатлѣніе, а слухи, опереживая отрядъ, разносили вѣсть, что движется полковникъ Шкуро съ 30.000 отрядомъ, сильной тяжелой артиллеріей и большимъ количествомъ пулеметовъ.

Х.

Въ силу-ли грозной славы, или горькихъ „благъ“ совѣтской власти, но Ставропольская губернія встрѣчала героя-полковника не особенно враждебно.

Многія села даже съ очень большой готовностью шли на встрѣчу нуждамъ отряда.

Въ с. Бешпагирь полковникъ Шкуро на сборѣ произнесъ небольшую, но настолько горячую и убѣдительную рѣчь, что крестьяне подь обаяніемъ ея и самой фигуры оратора, преподнесли отряду 500 винтовокъ и нѣкоторое количество патроновъ.

Дѣйствуя всюду по губерніи гуманно и въ высшей степени политично, герой добился того, что вмѣстѣ со славой, росла и его популярность, какъ защитника правъ и интересовъ трудящихся.

Ставропольскій совдепъ учелъ опасность и чтобы спасти свое положеніе, пустился на провокацію.

По селамъ, впереди движенія отряда Шкуро, появились рыскать совѣтскіе агенты и распускали среди населенія вѣсти о томъ, что Шкуро разоряетъ и сжигаетъ села, угоняетъ скотъ и вырѣзываетъ мужчинъ.

Кромѣ того, на встрѣчу отряду были посланы шесть брѣневыхъ автомобилей, открывшихъ огонь по сл. Устимовской гдѣ въ это время стоялъ отрядъ, но стоило только полковнику развернуть свою конницу въ лаву, какъ автомобили скрылись.

Когда отрядъ подошелъ къ с. Кугультъ, то былъ встрѣченъ изъ него огнемъ.

Послѣ небольшого огневого боя село было окружено и взято.

Вмѣсто того, что бы допустить мечь, полковникъ сталъ доискиваться причинъ такой враждебной встрѣчи селомъ его отряда.

Оказалось, что за нѣсколько часовъ до подхода къ селу Отряда, въ него влетѣлъ на автомобилѣ комиссаръ Петровъ и вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ съ нимъ помощникомъ сталъ увѣрять жителей, что Шкуро все уничтожаетъ на своемъ пути, и что всѣ сосѣднія съ Кугультой села уже вырѣзаны и сожжены.

Крестьяне не вѣрили и по предложенію Петрова послали съ нимъ на автомобилѣ въ сосѣднее село одного изъ своихъ односельчанъ бывшего солдата.

Очевидно подкупленный, солдатъ по своемъ возвращеніи сталъ клясться, что все то, что говорилъ Петровъ—истинная правда.

Только послѣ этого возмущенные крестьяне позволили Петрову организовать сопротивление.

Когда полковнику стала ясна провокація, то возмущенію его не было границъ.

Однако, онъ взявъ себя въ руки, арестовалъ всѣхъ трехъ провокаторовъ, а затѣмъ на автомобилѣ Петрова послалъ по селамъ нѣсколькихъ стариковъ убѣдиться въ лживости Петрова и его сообщниковъ.

По возвращеніи старики ни слова не говоря сходу, стали просить полковника Шкуро разрѣшить имъ самимъ повѣсить обманщиковъ и виновники кроваваго недоразумѣнія были повѣшены.

Слѣдующее на пути отряда с. Донское не только дало отряду лошадей, патроновъ, повозокъ и всякаго добра, но и отрядъ въ 500 вооруженныхъ человѣкъ.

Такъ Ставропольцы отнеслись къ герою Кубани.

XI.

Тяжелый путь былъ уже почти конченъ.

Главная цѣль отряда—соединеніе съ Добровольческой арміей, была почти достигнута.

И вдругъ, въ смѣлой головѣ героя загорѣлась мысль: „а почему бы не использовать въ конецъ свою популярность, силу и удачу и не поклониться добровольческой арміи и генералу Деникину г. Ставрополемъ?“

Задумано—сдѣлано.

Стремительнымъ маршемъ Андрей Григорьевичъ подошелъ версты на пятнадцать къ Ставрополю, вызвалъ къ телеграфу комиссара города и заявилъ ему, что если черезъ два часа городъ не будетъ сданъ, то по немъ откроется огонь изъ тяжелыхъ пушекъ.

Комиссары всполошились и просили дать имъ возможность посоветоваться.

Андрей Григорьевичъ ходилъ среди своихъ казаковъ, потиралъ руки и посмѣиваясь говорилъ:

— Неужели же дурачье, сдается. А ну-ка, братцы, подкатите ка на автомобилѣ поближе къ городу наши минометы, да пустите на окраину пару миночекъ. Авось напугаются. Вѣдь наши мины шумятъ здорово и этотъ шумъ посодѣйствуетъ скорѣйшему окончанію совѣта нечестивыхъ.

Не прошло и полутора часа, какъ изъ города прибыла делегация отъ жителей съ извѣстіемъ, что красные бѣжали и городъ свободенъ.

Торжественнымъ трезвономъ со всѣхъ колоколенъ и цвѣтами встрѣчалъ Ставрополь своихъ освободителей отъ краснаго ужаса 8 Юля 1918 года.

На другой день по взятіи города, полковникъ Шкуро от-

правился къ генералу Деникину на ст. Тихорѣцкую съ просьбой о помощи ему пушками и оружіемъ.

Генераль Деникинъ встрѣтилъ героя очень тепло и радостно, благодарилъ его за службу отъ лица Россіи и обѣщалъ самую широкую помощь.

Во время отсутствія Андрея Григорьевича изъ Ставрополя, положеніе тамъ сильно ухудшилось.

Одураченные красные скоро опомнились; убѣдившись же въ томъ, что они одурачены, обозлились и, собравъ большія силы, кинулись обратно на Ставрополь, и обложили его со всѣхъ сторонъ почти вплотную, зная что у Шкуро пушекъ нѣтъ.

Положеніе для отряда создалось безвыходное. Какъ вдругъ, въ тотъ моментъ, когда красные, ободренные молчаніемъ пушекъ со стороны города пошли на приступъ, въ тылу у нихъ мѣтко и часто зарокотала артиллерія.

Это полковникъ Шкуро прилетѣлъ на помощь къ своимъ орламъ на броневомъ поѣздѣ.

Ободренные шкуринцы кинулись въ контръ-атаку и красные въ паникѣ обратились въ бѣгство, неся огромныя потери.

Цѣлый мѣсяцъ держалъ полковникъ Шкуро Ставрополь, парализуя всѣ попытки красныхъ овладѣть имъ, а затѣмъ въ августѣ, передавши свой отрядъ и городъ полковнику Улагаю самъ съ 4-мя сотнями своихъ орловъ, уѣхалъ обратно въ Баталпашинскій Отдѣлъ, организовывать тамъ казаковъ и призывать ихъ къ возстанію противъ ненавистной имъ власти совѣтовъ.

XII.

Орломъ быстролетнымъ понесся бравый партизанъ съ лучшими сотнями своего отряда, обратно въ Баталпашинскій Отдѣлъ. Горнымъ потокомъ вьется среди становищъ красныхъ отрядовъ, обходя ихъ и нѣтъ ему удержку, нѣтъ преграды.

И вотъ онъ уже среди Баталпашинцевъ, которые только и ждали своего героя, слава о которомъ облетѣла уже всѣ уголки не только Кубани, но и Терека и горь.

Скоро подъ знамя удачливаго и талантливаго полковника собралось семь казачьихъ конныхъ полковъ, четыре горскихъ и пластунская бригада.

Дикимъ вихремъ носится полковникъ Шкуро со своей новой дивизіей и ударъ за ударомъ, одинъ чувствительнѣе другого наносить краснымъ войскамъ.

Онъ избалованъ удачей и вѣрить въ свою звѣзду, а его казаки души не чаютъ въ своемъ героѣ-начальникѣ.

Да и какъ не любить имъ своего орла?

Спокойный и находчивый въ бою, въ первыхъ рядахъ сражающійся въ случаѣ крайней опасности, всегда справедливый и снисходительный къ невольной ошибкѣ, онъ имъ отецъ, товарищъ и братъ.

На бивуакѣ, на отдыхѣ собралась группа казаковъ въ кружокъ и, забывшись отъ тяготъ боевой жизни, напѣваетъ подъ плескъ въ ладоши мотивъ лезгинки, а среди нихъ въ кругу, носится какой нибудь удалецъ въ своеобразномъ вихрѣ вольнаго танца, вдохновенно поблескивая глазами и холодной сталью кинжаловъ.

Вдругъ, въ кругъ врывается самъ полковникъ.

Кругъ увеличивается, группа растетъ до толпы, полнѣетъ и ширится напѣвъ лезгинки, а полковникъ, въ вольныхъ и гибкихъ, то плавныхъ, какъ летъ парящаго сокола въ голубой выси, то порывистыхъ, упругихъ и граціозныхъ, какъ прыжки дикой кошки движеніяхъ, изливаетъ свою порывистую, мятежную душу.

Танецъ, зажегши казаковъ, кончился и танцоръ, вытирая потъ лолой черкески уходитъ, провожаемый горящими восторгомъ и любовью, граничающей съ обожаніемъ, взорами казаковъ.

Таковъ полковникъ Шкуро въ походной жизни.

Въ концѣ сентября того-же 18 года полковникъ налетѣлъ на г. Кисловодскъ, вторично взявъ его, но строжайше приказалъ своимъ орламъ не трогать и не обижать больныхъ и раненыхъ красноармейцевъ, которыхъ тамъ лежало по больницамъ до 3000 человекъ.

Онъ не воевалъ съ больными и темными людьми.

Больные красноармейцы ждали смерти, но ни одинъ изъ нихъ не былъ тронутъ.

И надо сказать, что никакіе репрессіи и жестокость не произвели бы такого впечатленія на населеніе и на самихъ красноармейцевъ, какъ это великодушіе гуманнаго побѣдителя.

Между тѣмъ, въ сосѣднемъ Пятигорскѣ, подъ влияніемъ слуховъ, распространяемыхъ комиссарами о творящихся яко-бы жестокостяхъ въ Кисловодскѣ, красные усилили терроръ противъ мирнаго населенія.

Когда полковникъ Шкуро узналъ объ этомъ, то выбравши группу самыхъ здоровыхъ красноармейцевъ, посадилъ ихъ на повозки и отправилъ въ Пятигорскъ со словами:

— Ъзжайте къ своимъ и расскажите имъ о всѣхъ тѣхъ звѣрствахъ, какіе вы сами здѣсь наблюдали, и о которыхъ отъ кого нибудь слышали.

Я думаю, что послѣ вашихъ разсказовъ, ваши товарищи станутъ хоть немного щадить невинныхъ.

Разсказываютъ, что посылаемые уѣзжали со слезами, вѣсело и умиленія подъ вліяніемъ великодушія „жестокаго казачка“ полковника Шкуро.

Но милостивый къ безсильному и слабому, темному красноармейцу, снисходительный къ запуганному, безвредному комиссару изъ запуганныхъ, жидкихъ интеллигентовъ, онъ былъ немолчимъ по отношенію къ сознательному комиссару.

Этому одинъ конецъ—смертная казнь, хотя опять таки послѣ справедливаго суда и подробнаго опроса свидѣтелей.

XIII.

Въ началѣ августа Ставрополь былъ взятъ большевиками, дивизія Шкуро оказалась опять отрѣзанной отъ Добровольческой арміи и въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ ей приходилось держать фронтъ красныхъ на протяженіи почти въ 220 верстъ.

Много лихихъ ратныхъ подвиговъ совершила дивизія Шкуро за это время. Только талантливость вождя и вѣра въ него казаковъ—бойцовъ часто спасала ихъ въ тяжелыхъ случаяхъ, которыхъ было не мало.

Однажды, подъ ст. Баталпашинской сильно красные насадили, забрасывая партизанъ дождемъ снарядовъ и пуль. Тяжело пришлось удалцамъ.

Дрогнули уже было славные пластуны, изнемогая въ неравной борьбѣ и не ожидая ни откуда подмоги.

И вдругъ, сзади нихъ въ клубахъ пыли и грохотѣ, вырастаетъ фигура ихъ любимаго вождя, выкатывающаго впередъ за стрѣлковую цѣпь пару пушекъ.

Мигомъ ободрились бойцы. Точно новыя силы влились въ нихъ и съ мощнымъ „ура“ ринулись они на противника, сломали его и далеко гнали, разбитыя, деморализованныя части красныхъ.

Помимо безавѣтной личной храбрости, талантливости и великодушія, полковникъ Шкуро еще и романтикъ. Онъ любитъ цвѣты, широкіе жесты.

Уже само его знамя—волчья голова на черномъ полѣ—указываетъ на романтизмъ его пылкой натуры.

Въ этотъ же періодъ своей отрѣзанности отъ Добровольческой арміи, онъ создалъ въ своей дивизіи особую, такъ называемую волчью сотню, въ которую вошли лучшіе изъ лучшихъ

бойцовъ казаковъ и офицеровъ, числомъ до 250 коней и вручилъ эту сотню своему любимцу такому же, какъ и самъ онъ удалцу есаулу Георгію Ивановичу Колкову.

Ген. Шкуро въ кругу семьи. (Слѣва направо)—ген. А. Г. Шкуро (есауломъ), отецъ
А. Г. Шкуро—Г. Ф. Шкуро, мать—А. А. Шкуро, братъ—В. Г. Шкуро.

Волчья сотня, въ папахѣхъ изъ волчьихъ шкуръ, съ волчьими хвостами на башлыкахъ всадниковъ вмѣсто кистей и на древкѣ сѣтеннаго значка, это любимое дѣтище героя—партизана, это его гордость и утѣха.

Онъ самъ носить волчью папаху.

И сотня эта, стоит любви своего вожда.

Это она подь Эссентуками атаковала въ концомъ строю два большевистскихъ бранированныхъ поѣзда и почти безъ потерь взяла одинъ изъ нихъ, заставивши другой позорно бѣжать на всѣхъ парахъ обратно.

Но добившись небывалой популярности, ставши командиромъ дивизіи, не бережетъ себя полковникъ Шкуро.

Воинственность и кичучесть натуры, все то же искательство сильныхъ ощущеній и риска, заставляютъ его попрежнему рисковать собой не только въ нужныя минуты, но даже и тогда, когда это не нужно.

Такъ, одинъ разъ, когда дивизія его докатилась до Эссентуковъ, онъ стегнулъ коня и, обгоняя едва поспѣвающихъ за нимъ своихъ шестерыхъ конвойцевъ, ворвался въ Эссентуки и врубился въ самую гущу красноармейцевъ.

Волчья сотня взвела настоящимъ волчьимъ воемъ, когда узнала о такомъ безумномъ трюкѣ своего любимца и вихремъ понеслась на городъ, рѣшивши взять его чего бы то ни стоило, что бы спасти хоть тѣло своего полковника отъ надругательства.

Сбивши красныхъ, и гоня и истребляя ихъ на своемъ пути, ворвались „волки“ въ городъ, какъ разъ во время.

Имъ не хотѣлось вѣрить въ то, что они увидѣли, а изумиться по истинѣ было передъ чѣмъ.

Одинъ, какъ гордый утесъ среди бѣшеныхъ волнъ, окруженный почти вплотную красноармейцами, стрѣлявшими въ него въ упоръ изъ винтовокъ и револьверовъ, онъ, какъ сказочный богатырь, крѣпко сжавъ губы и нахмутивъ брови, наноситъ вокругъ себя смертоносные удары своей неутомимой шашкой.

Вмигъ выручили „волки“ своего вожда и дорого заплатили красные за смерть убитыхъ конвойцевъ полковника и за попытку посягнуть на жизнь его самого.

Послѣ этого случая казаки еще больше убѣдились, что „его и пуля не беретъ“ такъ какъ и изъ этой схватки онъ вышелъ даже безъ единой царапины.

2 ноября 1918 г. Ставрополь былъ вновь взятъ Добровольческой арміей, а за нимъ послѣдовала Армавиръ и другіе пункты Кубанской области.

Скоро вся Кубань была очищена отъ красныхъ и дивизія полковника Шкуро получила возможность отдохнуть, а самъ онъ поѣхалъ на Раду въ Екатеринодаръ.

Главнокомандующій добровольческой арміей генералъ Дени-

книзь достойно наградишь Кубанскаго героя, произведя его въ чинъ генерала приказомъ, опередившимъ Краевую Раду.

Послѣ этого Краевая Рада тоже поторопилась признать заслуги молодого генерала передъ Краемъ и Родиной и наградила его орденомъ за спасеніе Кубани 1-й степени.

XIV.

Засѣдая въ Краевой Радѣ въ качествѣ члена ея, представителя отъ Баталпашинскаго Отдѣла, въ одномъ изъ засѣданій, посвященныхъ вопросу объ урегулированіи отношеній между Краевымъ правительствомъ и Добровольческой арміей, генераль Шкуро выступилъ со слѣдующей блестящей рѣчью, характеризующей молодого генерала, какъ недурного оратора.

— Господа, члены Краевой Рады!

До сихъ поръ не выступалъ я передъ вами, такъ какъ прислушивался къ тому, чего же хочетъ казачество, къ чему оно стремится и каковы его идеалы?

Теперь я точно уяснилъ себѣ обстановку и попросилъ слова.

Прежде всего, я долженъ честно и открыто заявить, что всѣ слухи, сплетни и разговоры о якобы готовящемся какомъ-то выступленіи строевыхъ казачьихъ частей—ложны и не имѣютъ подъ собой почвы.

Я заявляю, что ни я, ни чины ввѣренной мнѣ дивизіи не могутъ совершить никакихъ вооруженныхъ актовъ, которые скомпрометировали-бы насъ казаковъ не только въ глазахъ всего казачества, Добровольческой арміи, но и въ глазахъ союзниковъ.

Однако все же скажу, что не бываетъ дыма безъ огня.

Безусловно всѣ эти слухи основаны на недовольствѣ и броженіи, глухо растущемъ, среди строевого казачества и среди представителей низшаго и высшаго командованія.

Я, какъ представитель высшаго командованія, какъ командиръ дивизіи, вынужденъ выступить передъ вами и постараться освѣтить то, что быть можетъ для многихъ изъ васъ не достаточно ясно. Я хочу высказать вамъ мои тревоги и опасенія, не позволяющія намъ тамъ, на фронтѣ, спокойно продолжать защиту Кубани, васъ и идти далѣе по пути освобожденія нашей общей матери истерзанной, изстрадавшейся, поруганной Россіи.

Прошу васъ оглянуться нѣсколько назадъ и вспомнить, что было ровно годъ тому назадъ.

А было вотъ что: были резолюціи о строительствѣ русскаго государства, были пожеланія, были красивыя мечты о мирѣ всего міра.... Словомъ, было все то, что мы видимъ и сейчасъ здѣсь на Радѣ.

Но что же вышло из того, что казалось тогда такимъ вѣрнымъ, такимъ непреложнымъ, правильнымъ и непогрѣшимымъ?!

А вышло то, что ни одна резолюція, ни одно постановленіе не прошло въ жизнь, а сами создатели этихъ резолюцій бѣжали въ чужіе края, ночуя подъ заборами и перенося всё тяготы и ужасы гражданской войны.

Всѣ пожеланія повисли въ воздухѣ и край остался безъ власти.

Прошелъ годъ. Опасность, какъ будто миновала, и забыть тяжелый урокъ прошлаго, мы снова вспомнили, что въ русскомъ языкѣ до 80000 словъ и стараемся во что бы то ни стало не говорить ихъ всё передъ сидящими здѣсь радянами.

Опять мы строимъ государство не наладивши жизни у себя, опять выносимъ резолюціи и все же нѣтъ у насъ ни порядка въ станицахъ, ни хлѣба.

Вдовы и сироты голодаютъ, школы и хаты стоятъ безъ крышъ и оконъ, а станичные учителя распродаютъ юбки своихъ женъ, чтобы не умереть отъ голода. Враги наши видятъ все это и громко кричатъ на базарахъ: „подождите, вотъ скоро опять придутъ сюда наши товарищи и вырѣжутъ все казачество, до дѣтей включительно.“

Правъ былъ нашъ главнокомандующій генералъ Деникинъ, когда говорилъ, что сейчасъ на насъ идетъ послѣдній, девятый валъ и этотъ валъ грохотный, могучій потребуетъ отъ насъ полного напряженія всѣхъ силъ, а иначе онъ смететъ насъ и сотретъ съ лица земли.

Вы знаете, что на Терекѣ сгустились тучи и идутъ къ намъ.... Въ Ставропольской губерніи сопротивленіе еще не сломлено.... На Дону положеніе тяжелое и на Украинѣ большой пожаръ.

Много труповъ еще ляжетъ, много еще крови мы прольемъ прежде чѣмъ тѣ или иныя резолюціи или постановленія пройдутъ въ жизнь и дадутъ намъ миръ и покой.

А что, господа члены рады, если и теперешніе наши разговоры приведутъ насъ къ тому же, къ чему привели въ прошломъ году!?

Когда горитъ домъ, то не время заниматься разстановкой въ немъ мебели, а надо тушить пожаръ!

Вы должны помнить, что пожаръ еще не потушенъ въ нашей хатѣ, что въ восточномъ углу ея пылаютъ станицы, льется кровь казачья и гибнетъ добро, наживавшееся десятки лѣтъ мозоли-

тыми руками казаков—хлѣборобовъ и славныхъ горцевъ.

И вотъ я, учитывая все это, какъ Кубанскій казакъ ст. Пашковской, горячо любящій свой рідній край, и какъ одинъ изъ старшихъ строевыхъ казачьихъ начальниковъ, не могу по чести и совѣсти допустить, что бы отношенія наши съ Добровольческой арміей портились и даже, быть можетъ, рвались, какъ объ этомъ вездѣ и всюду кричать.

Я понимаю ваши идеалы и стремленія къ вольной красивой жизни.

Но я не допускаю также и мысли о томъ, что заслуги Кубанскихъ казаковъ могутъ забыться.

Я вѣрю и не сомнѣваюсь, что мы кубанцы и наши вѣрные друзья горцы должны занять и займемъ первое, самое почетное мѣсто въ будущемъ Россійскомъ государствѣ.

Тому порукой потоки нашей крови, тысячи труповъ нашихъ лучшихъ людей и честная кровь лучшихъ сыновъ Россіи и Добровольческой арміи, пролитая на поляхъ Кубани за насъ кубанцевъ и во имя нашего общаго идеала—возсозданія Великой Единой Россіи.

Эта связь, связь кровная на полѣ брани—крѣпче всякихъ договоровъ и словъ.

Это забыться не можетъ, не должно и не забудется, а потому всякія рѣшенія могущія вызвать хотябы тѣнь недовѣрія другъ къ другу—недопустимы.

Эти тренія волнуютъ фронтъ, мѣшаютъ намъ драться и могутъ привести армію къ развалу, который приведетъ насъ къ еще большому злу, чѣмъ привелъ большевизмъ.

Относитесь же серьезно и вдумчиво къ тому, что вы дѣлаете и что намѣрены сдѣлать.

Знайте, что если Добровольческая армія уйдетъ отъ насъ, то мы погибнемъ.

Я вель десятки и тысячи казаковъ за собою безоружными, съ одной только вѣрой и надеждой скоро соединиться съ Добровольческой арміей гдѣ есть опытъ, знанія и сила вѣры.

Часто не знали мы въ какую сторону идти намъ.

Тысячи разъ были мы на краю гибели, но эта вѣра, вѣра въ Добровольческую армію спасла не одну тысячу жизней вашихъ сыновъ, братьевъ и отцовъ.

И вотъ теперь, когда пришли союзники и громко заявили, что они вѣрятъ Добровольческой арміи, что они только ее считают носительницей государственнаго правопорядка, мы болѣе чѣмъ когда либо должны довѣрить всѣ свои силы мудрому ко-

мандованію Верховнаго вождя русской арміи генералу Деникину.

Мы должны честно и открыто, путемъ взаимныхъ уступокъ прійти къ единому рѣшенію, чтобы вмѣстѣ, рука объ руку идти къ великой цѣли, къ воссозданію Великой Единой Россіи.

Въ этотъ моментъ признанія необходимости братскаго единенія съ Добровольческой арміей, мы должны сказать всѣмъ, кто политиканствуетъ, кто преслѣдуетъ свои узко-партиійныя цѣли:

— Уходите отъ насъ, не нарушайте дѣла созиданія Кубани, не разрушайте армію, ибо и Кубань и вы спасались не словами, а силой оружія.

Да здравствуетъ навѣки вольная Кубань!!

Да здравствуетъ единая русская армія и ея Верховный вождь генераль Деникинъ!!

Да здравствуетъ Россія!!!

Бурю восторговъ и громъ аплодисментовъ, покрываемыхъ кликами ура, вызвала эта рѣчь среди членовъ рады и заставила ихъ призадуматься надъ картинами, нарисованными ораторомъ.

XV.

Въ началѣ декабря закончилась сессія Рады, а въ двадцатыхъ числахъ этого же мѣсяца, генераль Шкуро повелъ свою дивизію на помощь Баталпашинскому отдѣлу, на который опять обрушились большевики, произведя прорывъ нашихъ силъ.

Въ ночь подъ Рождество, обогнавъ свою дивизію, генераль Шкуро прибылъ съ волчьей сотней въ ст. Баталпашинскую.

Красные войска уже были недалеско, и съ часу на часъ надо было ждать прихода ихъ въ станицу.

Въ минуту созрѣлъ планъ въ головѣ генерала.

Залегли его „волки“ на окраинѣ станицы, окопались, установили пулеметы въ ту сторону откуда ожидался противникъ и замерли.

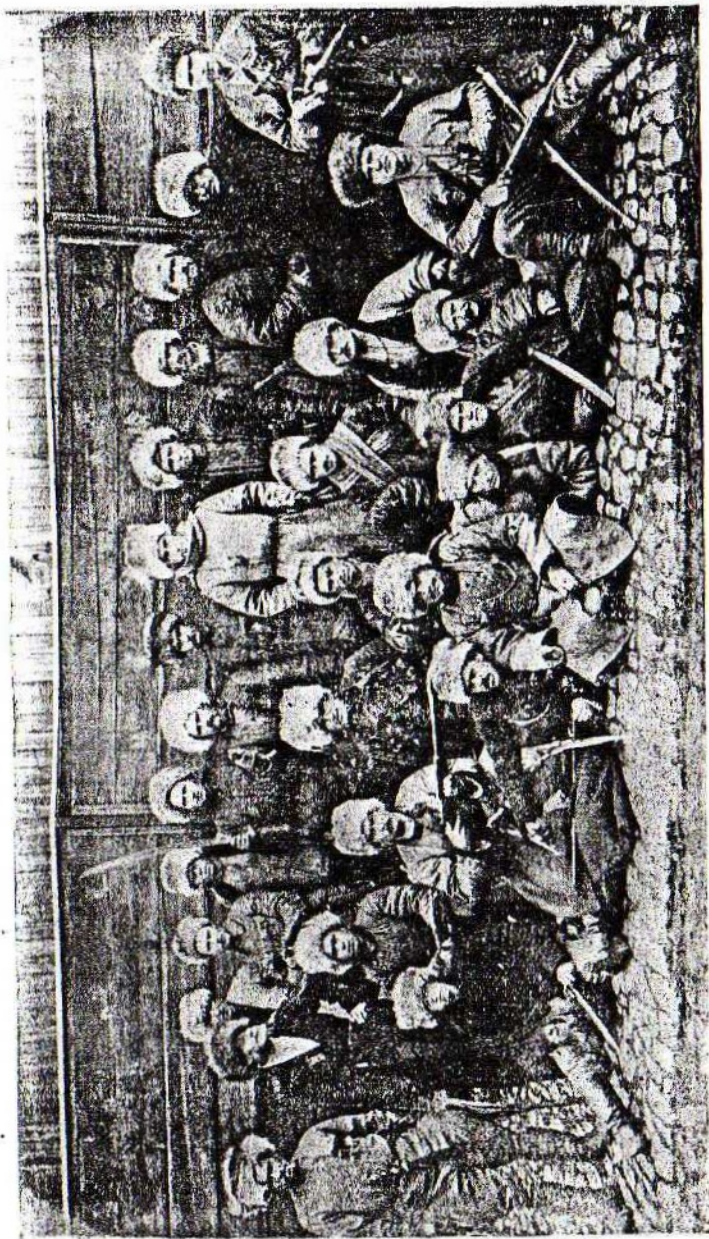
Вотъ, вдали показались силуэты всадниковъ, очевидно, разѣзда красноармейцевъ....

Тихо, осторожно, чутко прислушиваясь къ каждому звуку, приближались всадники къ станицѣ.

Но едва только вступили они въ станицу, какъ вдругъ, точно изъ подъ земли выросли вокругъ нихъ лихіе „волки“ и мигомъ ссадили непрощенныхъ гостей съ коней тихо, безъ единого звука.

Не успѣли опомниться красные, какъ уже оказались обезоруженными и скрученными по рукамъ и ногамъ.

Допрашивалъ плѣнниковъ самъ генераль.

Волчья сотня А. Г. Шкуро, въ Ростовѣ на Дону.

— Зачѣмъ вы сюда прѣѣхали и что намѣревы были дѣлать?

Плѣнники молчатъ. Тогда, что бы заставить ихъ говорить, генераль приказалъ „всыпать имъ шлетей“. Средство подѣйствовало и плѣнники рассказали, какія силы идутъ слѣдомъ за ними и далеко-ли они, и то что имъ приказано было, въ случаѣ если въ станицѣ нѣтъ никакихъ казачьихъ войскъ, звонить въ колокола.

Генераль тогда послалъ двухъ плѣнниковъ въ сопровожденіи конвоя на колокольню давать условный звонъ, а остальнымъ волкамъ приказалъ приготовиться къ встрѣчѣ красныхъ.

Не прошло и часу послѣ звона, какъ къ станицѣ подошли спокойно и увѣренно, въ походномъ строю главныя силы большевиковъ.

Подпустивши ихъ на возможно близкую дистанцію, сотня открыла по нимъ губительнѣйшій огонь изъ пулеметовъ и винтовокъ.

Полнѣйшая неожиданность, близость дистанціи и неизвѣстность откуда, кто и какія силы противъ нихъ, сдѣлали свое дѣло.

Мало кто изъ отряда ушелъ, а тѣ что ушли, бѣжали въ паническомъ ужасѣ, бросая по пути оружіе, снаряженіе и даже верхнюю одежду.

Когда черезъ нѣсколько дней красные предприняли опять наступленіе въ направленіи на ст. Баталпащинскую, то встрѣтили уже здѣсь, подоспѣвшую къ тому времени всю дивизію генерала Шкуро.

Точно крѣпкій молодой орель, со свистомъ разсѣкая воздухъ своими мощными крыльями, носится по полю боя молодой генераль отъ полка къ полку, отъ сотни къ сотнѣ, увлекая за собою своихъ орлятъ и дорого обходится врагу этотъ стихійный летъ его.

— Есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не гнется-ли еще сила казацкая?

И дружно отвѣчаютъ казаки:

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ. Крѣпка еще сила казацкая.

И любо смотрѣть на вѣру лихихъ бойцовъ въ своего молодого начальника.

А сѣдая Кубань съ восторгомъ смотритъ на любимого сына и одобрительно кивая своей серебряной головой шепчетъ:

— Добре, сынку, добре.

Много дней уже дерется славная дивизія съ упорнымъ, все не уступающимъ врагомъ и начинаетъ сдавать сила казачья. Хотя и крѣпко еще дерутся казаки, но изнемогая въ неравномъ бою, глазами подернутыми дымкой усталости, беспомощно оглядываются назадъ, выжидая хоть какой нибудь помощи.

Видитъ генераль Шкуро, что гнется сила казачья и кликнулъ онъ кличъ въ станицѣ Баталпашинской. Это было 5-го января 1919 года.

Загорѣлась молодостью кровь сѣдовласыхъ и немощныхъ стариковъ, быстрѣе забились сердца ихъ и изъ подъ нависшихъ, заиндевелыхъ бровей, засверкали ненавистью и огнемъ боевого восторга вдругъ, помолодѣвшіе, глаза ихъ.

— Такъ нѣтъ-же! Не бывать тому, чтобы нечистый врагъ вновь попиралъ своими недостойными ногами нашу святую землю, что бы вновь издѣвался надъ слабыми и немощными. Лучше славная смерть въ чистомъ полѣ!

И безъ оружія, котораго не было, съ одними голыми руками, но зато съ сердцами полными любви къ родинѣ и готовности умереть за нее, пришли они на боевой призывъ молодого удачливаго генерала. Много пришло ихъ. Больше трехъ тысячъ.

Какъ увидѣли молодые, теряющіе силы бойцы, да какъ узнали, кто на помощь имъ идетъ, что за подмогу имѣютъ они за собой, воспрянули духомъ; ударила имъ въ голову горячая кровь, удесятерились силы ихъ и страшнымъ ураганомъ, съ дикимъ ревомъ и грохотомъ, вырывающимъ вѣковыя деревья съ корнями, налетѣли они на врага, сбили его съ мѣста и безудержной волной покатались впередъ все снося и уничтожая на своемъ бурномъ пути.

Почти съ этого времени и началось побѣдоносное шествіе Добровольческой арміи по пути втораго завоеванія Кавказа.

Къ 20 января 1919 г. лихая дивизія славнаго генерала Шкуро слбивъ противника и у Минеральныхъ Водъ, докатилась до г. Владикавказа, этого главнаго большевистскаго гнѣзда на Сѣверномъ Кавказѣ.

Здѣсь встрѣтился совершенно другой типъ воина—ингуши.

Это уже настоящіе бойцы, привыкшіе къ оружію съ дѣтскихъ лѣтъ, а не тѣ трусливые и подчасъ мало обученные, неорганизованные и распущенные красноармейцы, съ которыми казакамъ приходилось имѣть дѣло до сихъ поръ.

Прекрасно вооруженные и обильно снабженные боевыми

припасами, отнятыми у русскихъ солдатъ во время побѣдннго
бѣгства ихъ съ турецкаго фронта, ингуши почувствовали себя
господами положенія. Разграбивъ и выселивъ изъ нѣсколькихъ
станницъ, изъ Тарской, Стѣпцовой и другихъ, — терскихъ каза-
ковъ, ингуши стали теперь передъ фактомъ достоинства.

Кромѣ того, обманываемые большевистскими вождями, они
имѣли ложное представленіе о надвигающейся на нихъ опасности.

Такимъ образомъ, славная дивизія генерала Шкуро встрѣ-
тила въ лицѣ ингушей въ высшей степени стойкаго и упornaго
противника.

Воинственные ингуши, во время боевъ, часто доходили до
рукопашной схватки, до кинжаловъ, не допуская и мысли о
сдачѣ въ плѣнъ.

Будучи самъ человѣкомъ большой личной храбрости, гене-
раль Шкуро цѣнитъ личную храбрость и удалство бойцовъ своего
упornaго противника.

Послѣ одного изъ жестокихъ боевъ, къ генералу прибылъ
казакъ и доложилъ, что взятый въ плѣнъ ингушъ, по пути въ
штабъ, выхватилъ вдругъ, неожиданно у своего конвоира шапку
и нанесъ ему нѣсколько опасныхъ ранъ въ плечо и голову.

Глаза генерала запылали восторгомъ.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ, этотъ славный джигитъ? Живъ онъ,
или убѣжалъ?

Но когда казакъ доложилъ, что остальные два конвоира
прикололи горячаго горца, генераль видимо огорчился и сказалъ:

— Жаль, жаль. А я бы простилъ его. Я бы ему сказалъ:
„Иди, джигитъ, на всѣ четыре стороны, потому что ты не под-
ставлялъ свою шею, какъ баранъ, а поступилъ, какъ настоящій
воинъ“.

Бои подъ Владикавказомъ затянулись и только послѣ того,
какъ былъ нанесенъ нашими частями ударъ по горнымъ ингуш-
скимъ ауламъ, 27 января къ генералу Шкуро прибыла отъ ин-
гушей делегація, согласившаяся на всѣ предложенныя генера-
ломъ условія.

Ингуши оставили Владикавказъ, а 28 января вечеромъ части
генерала Шкуро, сломивъ сопротивленіе красноармейцевъ, вошли
въ городъ и захватили тамъ богатѣйшую военную добычу.

Между тѣмъ, въ то время, какъ разсѣивался красный ту-
манъ на Кавказѣ, все сильнѣе и сильнѣе сгущались грозовыя
тучи надъ Дономъ.

Старый Донъ, изнемогая въ тяжелой сверхчеловѣческой
борьбѣ, съ надеждой смотрѣлъ на юго-востокъ, ожидая помощи

отъ своихъ ожившихъ братьевъ кубанцевъ, терцевъ и ихъ сподвижниковъ горцевъ.

И въ началѣ февраля, генераль Шкуро со своей славной дивизіей уже на Дону. Съ веселыми пѣснями и бурно-пламеннымъ плясомъ идутъ орлята генерала Шкуро на помощь Донцамъ, съ полной вѣрой въ побѣду надъ краснымъ ужасомъ и въ новые лавры своего обожаемаго начальника.

„Я Очеретино, части Гришино,
ѣду Ростовъ“.

(Изъ телегр. ген. Шкуро.)

XVII.

Весь періодъ, еще незаконченныхъ боевъ на Дону—сплошной триумфъ генерала Шкуро и его корпуса.

Въ мартѣ положеніе Дона было почти катастрофично.

Красная армія постепенно усиливаясь и наглѣя съ каждымъ своимъ успѣхомъ, грозила залить Донъ тѣмъ страшнымъ девятымъ валомъ, о которомъ давно уже говорилось и на Дону и на Кубани.

Нужно было крайнее напряженіе всѣхъ силъ, поставившихъ себя цѣлью борьбу до побѣды—иначе гибель.

И не успѣлъ генераль Шкуро прибыть со своимъ корпусомъ на Донъ, какъ почти тотчасъ же долженъ былъ втягиваться въ бой, отличавшіеся упорствомъ и жестокостью.

Здѣсь талантъ генерала, какъ партизана проявился во всей его мощи, яркости и красотѣ.

Почти ежедневно въ оперативной сводкѣ, начиная съ половины марта, пестритъ имя Шкуро, тѣсно связанное съ частями его корпуса.

Страшное имя Шкуро, попортившее не мало крови краснымъ „главковерхамъ“ за время боевъ на Кавказѣ, начинаетъ наводить панику на нихъ и здѣсь.

Съ 14 по 21 марта, генераль Шкуро защищаетъ отъ красныхъ угольный районъ, ведя упорные встрѣчные бои, но уже 23 марта, прорвавши фронтъ красныхъ въ районѣ Юзовки, начинаетъ свою страшную работу въ тылу у нихъ.

Трудно описать, развившуюся среди красныхъ панику.

Стоустая молва, съ вытаращенными отъ ужаса глазами, летѣла съ быстротою молніи и нарастая подобно катящемуся подъ гору снѣжному кому, разносила вѣсти о томъ, что въ тылу у красныхъ 75000-ная армія Шкуро, что она заняла Славянскъ, отрѣзала красныхъ отъ Харькова и т. д.

„Главковерхи“ терялись, теряли власть надъ своими войсками, а партизаны между тѣмъ, вихремъ носясь по тылу

полностью уничтожили 79 пѣх. совѣтскій полкъ и вернулись обратно, захвативъ поѣздные составы, изъ которыхъ одинъ съ телефоннымъ имуществомъ и аэропланами.

3 апрѣля генераль Шкуро уже подъ Мариуполемъ.

Здѣсь онъ встрѣчаетъ армію Махно и наноситъ ей полное пораженіе, изрубивши до тысячи человѣкъ и столько же взявши въ плѣнъ.

Махновцы не выносятъ стремительнаго, страшнаго удара партизанъ и бѣгутъ въ паническомъ ужасѣ, бросая не только оружіе, но даже сапоги, брюки и вообще все, что только въ состояніи было стѣснять бѣгъ объятаго безумнымъ ужасомъ человѣка.

Въ тотъ-же день красные оставляютъ Мариуполь.

Проходитъ нѣсколько дней, ухудшается полсженіе въ Дебальцевскомъ районѣ и Шкуро опять на сѣверѣ, а съ 15 апрѣля уже въ тылу у красныхъ.

Разсѣивая мелкіе отряды, разбивая резервы и наводя панику, онъ занимаетъ станціи, села, хутора, беретъ плѣнныхъ и трофеи и 21 уже очищаетъ отъ красныхъ Луганскъ.

Онъ не признаетъ иной работы, какъ только въ тылу у противника, работая тамъ съ полной увѣренностью въ безнаказанности и безопасности.

12 мая, забравшись въ глубокій тылъ врага въ районѣ станцій Очеретино-Грипино, онъ не только уничтожаетъ массу красныхъ, но захватываетъ пушки, составы съ мукой и беретъ въ плѣнъ штабъ 9-й совѣтской дивизіи.

Въ Оперативной сводкѣ Штаба арміи очень часто были строки:

— Съ частями генерала Шкуро связь потеряна и отъ него донесеній не поступало.

Передаютъ слѣдующій анекдотическій фактъ лица, увѣряющіе меня въ достовѣрности его.

Одинъ полковникъ долженъ былъ видѣть генерала Шкуро и говорить съ нимъ по очень важному дѣлу во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, что бы установить, гдѣ въ данное время находится генераль.

Однако отвѣтить ему на этотъ вопросъ никто не былъ въ состояніи въ виду того, что какъ разъ въ это время была потеряна связь съ генераломъ.

Шутя, или серьезно, полковнику было предложено спросить объ этомъ Троцкаго по радіо.

Отвѣтъ былъ полученъ по радіо-же такого содержания:

Бѣлогвардейскій бандитъ Шкуро со своимъ бандитами находится на моей территоріи, и къ ликвидаціи его и его шайки мною приняты всѣ соотвѣтствующія мѣры.

Анекдотично, но въ высшей степени характерно.

Сколько боевъ имѣлъ корпусъ генерала за время съ марта по іюнь, трудно сказать даже приблизительно.

Каждый изъ этихъ боевъ является крайнѣ интереснымъ эпизодомъ для описанія которыхъ надо было-бы посвятить цѣлыя томы. О нихъ будетъ говорить военная исторія нашей родины.

На нихъ будутъ учиться побѣждать наши потомки.

Могу только сказать, что и генералъ Шкуро и каждый изъ бойцовъ его славнаго корпуса достойны другъ друга.

Часто, въ трудныя минуты, командиръ корпуса выскакивалъ впередъ, въ боевую линію, и одного только его появленія впереди достаточно было, что бы измученные бойцы бросались впередъ и побѣждали врага.

Въ чемъ же тутъ секретъ?

Секретъ въ отвѣтъ самихъ казаковъ:

— Боялись пустить генерала въ бой.

Боязнь потерять вождя, та святая боязнь, которая зовется любовью къ вождю, построенной на вѣрѣ въ него и уваженіи одного храбреца къ другому.

Борьба еще далеко не кончена; хотя уже и намѣчается близкій крахъ большевизма и возсозданіе нашей Великой Родины, но до желаннаго конца ся не мало прольется крови и не мало будетъ совершенно славныхъ подвиговъ, которыхъ Россія не забудетъ.

Читатель не разъ, а тысячи разъ услышитъ еще имя генерала Шкуро, связанное съ героически-сказочными эпизодами приближающими насъ все ближе и ближе къ Москвѣ—сердцу Россіи.

А мы, скромные лѣвцы героевъ, бережно будемъ собирать всѣ эти эпизоды и легенды, плести изъ нихъ вѣнки героямъ и сохранять ихъ для исторіи и потомства.

